

Уважаемый Игорь Михайлович, я буду говорить о своем, очень далеком от непосредственной нашей ситуации. А вместе с тем уверен, что какие-то повороты, не все, конечно, но некоторые соображения Вас могут заинтересовать. Я хотел бы отметить, что у Игоря Михайловича есть замечательная черта: ему интересны мысли другого. Не только свои собственные, которые каждому интересны. Мы нечасто встречаем людей, которые могут слушать заинтересованно.

Итак, это эссе адресуется Игорю Михайловичу Ильинскому.

ВЛ. А. ЛУКОВ

История культуры и проблема времени

Празднование большой даты — повод поставить вопрос о времени культуры. Это актуальная про-

блема, которой многие занимались и занимаются сейчас (так, мне известно, что ее *начала* серьезно разрабатывать в общетеоретическом плане профессор Т. Ф. Кузнецова, в плане конкретно-исторической периодизации этого вопроса касается профессор В. П. Трыков, о нем размышляют присутствующие здесь В. М. Межуев, Вал. А. Луков, П. С. Гуревич, Н. В. Захаров и др.). Это, несомненно, проблема фундаментальной науки. Причем именно такая проблема, которая

имеет отношение ко многим вузовским курсам: и истории, и философии, и филологии, и культурологии, и акмеологии, и рекламы, все трудно перечислить.

Многообразие конкретного материала в этих курсах, в учебниках, в вопросах на экзаменах располагается вдоль невидимого, но прочного стержня, организующего и представление фактов, и их интерпретацию. Этот стержень — концепция общего ускорения исторического времени. Время, которое в первобытную эпоху тянулось необычайно медленно, несколько ускорилось в Античности и Средневековье, стало все более ускоряться в Новое время, понеслось в XX веке, совершенно нельзя вообразить его невероятной скорости в XXI веке, когда мир переходит от индустриальной к информационной цивилизации. Галактика Гуттенберга сменилась галактикой Маркони, утверждал Маршалл Маклюэн. Мы являемся свидетелями и жертвами информационного взрыва, утверждал в «Третьей волне» Элвин Тоффлер. Информация растет лавинообразно, утрачивает структурность и превращается в поток, утверждал Реймонд Вильямс. Ускорение исторического времени, очевидно, утверждают практически все. Этой идеей пронизан весь Госстандарт по гуманитарным дисциплинам, если мы берем практическую реализацию. Именно здесь возникает потребность в фундаментальном гуманитарном знании: когда что-то абсолютно очевидно, как правило, требуется применить принцип тестирования реальностью. И тогда становится ясно, что общее ускорение времени — миф, порожденный современным культурным тезаурусом.

В рамках фундаментального гуманитарного знания вызывает форсологический аспект исследований — выявление и в пространстве, и во времени, и в обществе «сильных» позиций. Очевидность ускорения времени несомненна в мегаполисах. Но она перестает быть таковой, если отправиться в глухую российскую деревню или в Африку, где племена живут первобытным укладом и ничего не подозревают об информационном взрыве.

Перенесемся на три с половиной тысячи лет назад. Древний Египет. Фараон Аменхотеп IV отменяет древнюю религию, впервые в человеческой истории вводит монотеизм — поклонение единому богу Атону, солнечному диску. Он меняет имя, что не так просто, как сейчас. Человек у египтян воспринимался как совокупность *сах* (тела), *шуйт* (тени), *ах*, *ба*, *ка* (три понятия, примерно соответствующие душе), *рен* (имени). Для достижения вечной жизни важно сберечь *сах* (отсюда искусство мумификации), не потерять *ка*, но особенно важно сохранить *рен* — имя. Чтобы отомстить врагу, египтяне могли, например, стереть его имя со статуи и написать другое — это полностью уничтожало противника. Аменхотеп IV сам уничтожил свое имя, став Эхнатоном. Он перенес столицу из Фив в совершенно необжитое место в 350 км пути по Нилу и по пустыне (это половина расстояния от Москвы до Петербурга), выстроил там город с храмами и дворцами и умер в 35-летнем возрасте (возможно, был убит). Его сын Тутанхатон меняет имя на Тутанхамон, возвращает столицу в Фивы, отменяет религию отца, умирает в 18 лет. За 70 дней, ушедших на бальзамирование, ему в Долине царей под Фивами подготовили захоронение, как теперь выясняется, в усыпальнице отца, затерев его имя. Летописцы вычеркнули и этих двух, и еще двух следующих фараонов из всех своих записей, до XX века никто не подозревал о том, что в эпоху величайшей стабильности имел место период грандиозного ускорения темпов жизни. Но от десятилетий ускорения, вычеркнутых из истории, остались величайшие памятники египетского искусства — золотая маска Тутанхамона и алебастровые портреты его матери — Нефертити.

За тысячи километров от Египта примерно в это же время в Индию, после того как таинственным образом исчезла культура Хараппы и Мохенджо-Даро, пришли индоевропейские племена. Примерно в это же время за тысячи километров, в Китае, появились первые иероглифы. Итак, в XV веке до н. э. мир уже прошел через ситуацию ускорения времени.

Карл Ясперс нашел в истории другую такую ситуацию — около 500 года до н. э. (в границах от 800 до 200 года до н. э.), дав ей название «осевое время». Неужели рождение мировых религий не интенсивный процесс? Как видим, наше время, по Ясперсу, даже не «осевое».

Через 1000 лет Августин Блаженный умирает в Гиппоне, а город уже осаждают варвары. У него на глазах происходит смерть одного и рождение другого мира.

Еще через 1000 лет Португалия и Испания делят между собой (в соответствии с папской буллой) все еще не открытые земли: те, что на восток от невидимой линии в Атлантическом океане, будут принадлежать Португалии, а те, что на запад от нее, — Испании. Кругосветное путешествие Магеллана, португальца под испанскими флагами, сравнимо с полетом Гагарина, даже с путешествием на Луну. За несколько десятилетий кардинально изменилась картина мира: ее вертикальная ориентация (вверху — рай, в центре — земля, внизу — ад) заменилась горизонтальной, маленькая часть пространства, только и известная европейцам, выросла до огромного мира. Мы говорим об информационном взрыве — вот он, настоящий информационный взрыв. Мы таких испытаний не претерпеваем.

И эти взлеты, резкие продвижения, «сильные позиции» исторического времени перемежаются медленными темпами. В начале VIII века британец Беда Достопочтенный пишет притчу о птичке, влетевшей из тьмы в освещенную комнату и вылетевшей опять во тьму. Такова и жизнь человека на земле — краткий миг между двумя вечностями. И быстрее бы он прошел, этот миг, размышляет средневековый человек, чтобы не успеть нагрешить.

Но в XII веке в городах появляется техническая новинка: часы на здании ратуши. И восприятие времени меняется: жизнь быстро пройдет, она действительно мимолетна. Успеть бы сделать как можно больше. Это городская психология, похожая на современную.

Итак, есть ритмы времени, есть в нем сильные и слабые позиции. Меняются и люди. Во многих случаях даты рождения деятелей античной эпохи неизвестны, они рассчитаны по дате их *акме* — высшего расцвета сил, возможностей, который наступает, как считали древние греки, в 40-летнем возрасте. Значит, это было устойчивым положением, наблюдавшимся постоянно и повсеместно. В Новое и в Новейшее время встречаются знаковые исключения. В 1770 году за две недели до 18-летия покончил жизнь самоубийством английский поэт Томас Чаттертон. Он создал поэта-миф — монаха Роули, якобы жившего в XV веке, написав от его имени на староанглийском языке с невиданным мастерством целый том произведений. Спустя век во Франции в том же возрасте бросил писать стихи другой юный поэт — Артюр Рембо, но то, что он успел написать, заставляет французских литературоведов делить историю поэзии своей страны на период до Рембо и период начиная с Рембо. Шолохов в те же 18 лет начал писать «Тихий Дон». Это некая писательская акселерация. Но есть и примеры персональной ретардации (замедления). Великий Руссо написал свое первое произведение в 40-летнем возрасте. Черчилль утверждал, что настоящим политиком становятся к 90-летнему возрасту, и в известном смысле подтвердил этот тезис. Так что солидный возраст может совпадать с высшим расцветом личности.

Итак, есть ритмы времени, есть разные ритмы: и общечеловеческие, и индивидуальные. Есть в течении времени сильные и слабые позиции, а вовсе не одно мифическое ускорение. (В «Стандарте плюс» МосГУ при его совершенствовании это нужно бы отразить.)

Но сказанное вовсе не значит, что наше время мало чем отличается от других эпох акселерации. Три отличительные черты следует назвать в первую очередь. Это глобализация, это образовательная революция, это появление технических средств передачи информации, конструирующих новый тип человеческой культуры.

Глобализация имеет своим следствием формирование всемирности, некоего нового качества культуры, следствия перехода от региональных к межкультурным коммуникациям. Если это расшифровать, то на смену типологическим моделям приходят контактные модели. Для науки это очень значимо. Это имеет прямое отношение к вузовскому преподаванию. Возьмем пример из преподавания литературы. Посмотрите учебники сегодняшнего дня. Речь идет о мировой литературе. Основная последовательность изложения материала — по национальным литературам. Но то, что работает применительно к XVII, XVIII, даже к XIX веку, перестает адекватно отражать действительность XX и XXI веков.

Образовательная революция — концепция И. М. Ильинского, подтверждаемая множеством фактов. Масштабы ее огромны. Для сравнения: в самой развитой стране XIX века, в Англии, в ходе национального обследования, проведенного в 1833 году, было выявлено, что только 1 из 10 детей школьного возраста мог удовлетворительно писать и читать. В этом году Диккенс опубликовал свой первый рассказ. Как видим, у него не могло быть широкой читательской аудитории. К 1870 году, когда умер Диккенс, только 42% детей в Англии до 12 лет посещало школу. В этом году (в 1870-м) так называемый акт Форстера сделал для Англии реальностью обязательное образование для детей от 5 до 12 лет. Только в Дании, где еще в 1814 году был принят закон об обязательном семилетнем обучении, ситуация была лучше, а так, по существу, весь мир, за исключением тонкой прослойки, не умел ни читать, ни писать.

Прошло немногим более ста лет. В наше время США и Япония официально приняли программу всеобщего высшего образования, Россия де-факто может их опередить. Это совершенно разные ситуации, не только количественно, но и качественно. Раньше литература, художественная культура, обеспечивала потребности довольно узкого круга людей, была доступна только элите и отра-

жала ее высокие требования. Теперь появился огромный круг получивших доступ к художественной культуре людей со своими потребностями. Поэтому вся структура художественной культуры неизбежно изменится и уже меняется, этого нельзя игнорировать. Диккенса многие теперь не станут читать, но вовсе не потому, что читать не умеют, а потому, что формируется некая культура, больше отвечающая потребностям новых образованных масс. Прямо-таки «спор древних и новых», подобный тому, который разгорелся на рубеже XVII—XVIII веков.

Что же это за новый тип культуры? Это не «массовая культура», хорошо вписывающаяся еще в XIX век и отражающая недостаточную развитость сознания, которое не имеет творческих потенций и удовлетворяется «готовыми идеями» (термин Пьера Бурдьё). Некоторые исследователи для характеристики возникающей культуры используют понятие «культура повседневности», вкладывая в него новое содержание. Но здесь есть определенная традиция понимания самой повседневности начиная с Георга Зиммеля, который видел в ней только рутину, противопоставив ей «приключение». А главное свойство этой рождающейся культуры — тяга к сегодняшней новости, будь то новая мода, новые лекарства, новости политики, новые религии, новые научные открытия.

Это вот, Игорь Михайлович, кульминация, потому что кажется, разрешение вопроса найдено. Найдено слово. Оно — в Вашей философской концепции, обозначенной как «философия Происходящего». Вот оно, это недостающее слово. Нужно вести речь о становлении культуры Происходящего.

Этим понятием хорошо описываются фундаментальные черты таких явлений, как мода и дизайн, реклама и пиар, телевидение и Интернет — все наиболее заметные феномены культуры информационной цивилизации.

Следствия утверждения этой культуры — оттеснение на задний план Прошлого и Будущего. Это должно решительным образом отразиться на вузовском преподавании гу-

манитарных дисциплин. Меняется осмысление историзма: это не движение из прошлого в будущее, а совсем другая структура восприятия времени. Настоящее — та точка, из которой совершаются ретроспекция (движение из настоящего в прошлое, между прочим, узаконивающее такие научные термины, как Проторенессанс, предромантизм) и проспекция (присутствие в настоящем будущего, отменяющее власть таких понятий, как постмодернизм, постсоветский период,

в которых настоящее определяется через прошлое). Так что, я думаю, что если эта культура действительно проявит себя, эти слова мы очень быстро забудем.

Культурный тезаурус меняется, что нельзя не учитывать, как бы к этому ни относиться. Поистине, предстоит сосредоточиться и в науке, и в образовании на полете птички Беды Достопочтенного по освещенной комнате, а не на двух вечностях, что принесет, вероятно, немало бед, но и немало открытий.